

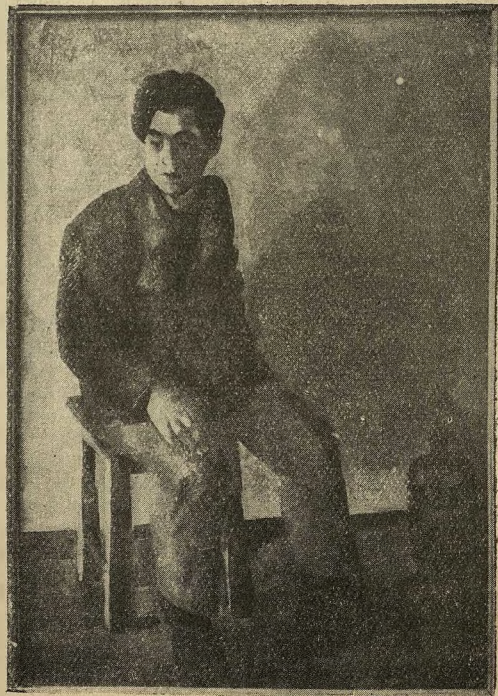
П О В Ы С Т А В К А М

Первая—открылась в помещении актового зала высших художественных театральных мастерских. Она объединила 11 мастеров, среди которых большинство составляли прежние „Валеты“. Отличительная черта этой выставки—ее высокий живописный уровень. Такой живописно впечатляющей выставки Москва давно не видела. Одинадцать мастеров, большинство которых знают, что делают, умеют делать и понимают друг друга — какое удивительное зрелище, не имеющее прецедента в московской художественной жизни последних лет. Другой характерной чертой или, может быть, качеством рассматриваемой выставки является то, что московские художники впервые отчетливо обнаружили тот сдвиг, который произошел в художественном сознании. Мы имеем в виду, конечно, так называемое „поправление“. Иное дело, что правее мы так же, как и левее в свое время, когда это было декретировано П а р и ж е м, неумело, наивно, по-русски, но от этого самое явление не становится менее интересным... А „поправление“ произошло несом-

ненное, очевидное, оно захватило даже беспредеметников—Удальцову и Древина. Теперь картина рисуется приблизительно такой: художники перелистывают страницы истории искусства в обратном порядке, начиная с Дерена и Сезанна. Некоторые остановились на главе „Барбизонцы“; впервые открылись им К о р о и Д о б и н ь я. Иные задержались на русском пейзаже девятисотых годов...

„Ведут“ выставку Кончаловский и Фальк. От первого, после заключительных строк Муратовской монографии, особенно много ждешь. Внимательно приглядываемся к его пейзажам. Они, как всегда, очень красивы по тону, по мастерству и в то же время по какой-то особой „легкости делания“. На этот раз нам интересно отметить скромные лесные мотивы, с уходящими в глубь дорожками, нежно зеленые, напоминающие Добины. Нельзя не обратить внимание на то, что Кончаловский впервые стал писать облака, прежде как будто им не замечаемые. Лучшим среди выставленных пейзажей, мы, не задумываясь, признаем—„Купание“, прекрасное по серебряному тону, написанное с непостижимой легкостью кисти и той особой невесомостью красок, которые отличают пейзажи К о р о. Не менее значительной работой Кончаловского, одной из самых значительных среди произведений новейшей живописи, нужно признать ту, в которой художник представил себя и жену с бокалами вина в руке, в позе напоминающей Рембрандтовский авто-портрет с Саскией в Дрезденской галерее. Мы воздержимся от могущих кому

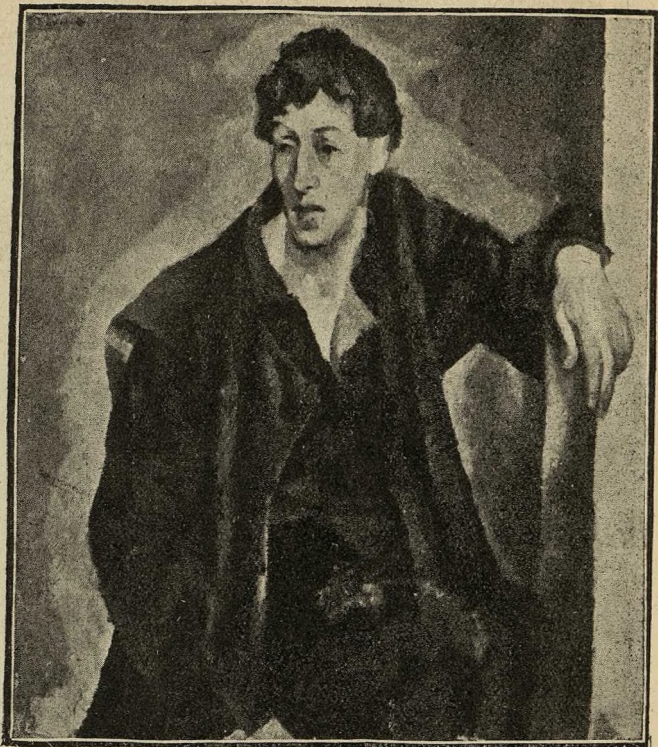

нибудь показаться соблазнительными аналогий. Но сейчас же отметим, что по огромной и захватывающей силе, какую обе фигуры явлены на холсте, по дерзости и темпераментности мазка, сдержанности всей гаммы, эта картина должна быть признана из ряда вон выходящей и позволяет назвать, как и предыдущая, другое незабываемое имя, не Рембрандта, конечно, а—Хальса.

Самого пристального внимания заслуживает также Фальк, казавшийся всегда энтузиастом чистой живописи. За небольшой промежуток времени, отделяющий отчетную выставку от предыдущей — „Мира Искусства“, Фальк необычайно развился вширь и вглубь. Фальк обладает тем высшим качеством, которым, может быть, не так силен Кончаловский — „своим отношением“. При высоком мастерстве, благороднейшей тональности, Фальк поражает углубленностью зрения и индивидуальностью своих формальных исканий. Его картины не вызывают никаких ассоциаций. Его портреты могут не нравиться, некоторые из них мало приятны по фактуре, но они в высшей степени своеобразны. Зато без всяких оговорок должны быть приняты две лучшие вещи Фалька, принадлежащие, наряду с отмеченными работами Кончаловского, к самым ценным экспонатам выставки: „Портрет“ (№ 118) и „Печка“ (114). „Портрет“ кажется нам наиболее удавшейся работой Фалька. Он заслуживает полного признания за исключительное благородство и серьезность живописи. Укажем на детали, на „дышащую“ стену, на превосходно написанный зеленый сосуд. Апплодировать следует художнику и за „Печку“. Это уже не случайные работы, не опыты, не поиски форм и объемов, как висящие рядом „обнаженные натуры“ Фалька, а законченные достижения, созданные кистью высококультурного мастера. На них можно учиться живописи.

Таковы герои выставки. Остальные участники группируются преимущественно вокруг Кончаловского.

Рядом с ним мы привыкли ставить Машкова. Куда заведет этого славного живописца исповедуемый им ныне „неореализм“? При изумляющем мастерстве, с каким Машков передает материал (фарфор, дерево, плоды), его блестящая, в буквальном смысле слова, живопись (откуда такие краски?), лишенная тона и какой бы то ни было „живописности“, удручает. Художник добивается необычайных—слов нет,—но далеко нехудожественных иллюзий действительности. Верным и серьезным сподвижником Кончаловского является Осмеркин. Сейчас художник, отказавшись от своей юношеской привязанности (Пикассо), „переживает“ Сезанна и Дерена. Пейзажи Осмеркина по сравнению с пейзажами Кончаловского тяжелы и черезчур материальны, его розовые натурщицы не могут быть названы приятными и представляют очевидные „штудии“,

его „nature morte с корзиной“ пастиширует Дерена, за то „Натурщица у станка“ и в особенности „Портрет поэта“ еще раз свидетельствуют о большом и тонком живописном вкусе мастера. Этот последний на-лицо и у Федорова, хотя художник злоупотребляет розовым цветом в пейзажах и открыто имитирует знаменитого „Курильщика“ Сезанна. Розовым злоупотребляет и Куприн, выставивший много работ, по большей части довольно красивых, но как то безответственных и художественно малосодержательных. Его живопись недостаточно внимательная, „разливающаяся“ по холсту, подчас напоминает Кандинского. Большинство его вещей приятны, но и только. Нельзя сказать того же о другом „Валете“—Лентулове. Такта и вкуса у него не так уже много. Тем менее привлекательна большая композиция художника, представляющая несомненный живописный блеф, хотя и недвусмысленно претендующая на французский шик (правая раздетая фигура—Ван-Донген).

Нам остается назвать еще Игоря Грабара, примкнувшего на этот раз к „Валетам“, по прежнему интересующегося эффектами освещения, но давшего одновременно несколько новых пейзажных мотивов, из которых некоторые написаны в более широкой, нежели прежде, манере.

В. Блок.

Иллюстрации к статье: 1) Кончаловский, 2) Осмеркин, 3) Фальк.